

Андрей Беляков

Деда Яша

Андрей Беляков

Деда Яша

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70595743

SelfPub; 2024

Аннотация

И снова скоро День Победы – и сколько бы он ни повторялся, ничто не может умалить его. Только вот людей таких становится все меньше. А тишины после их ухода – больше.

Андрей Беляков

Деда Яша

Река жизни продолжает свое непрерывное течение. И солнце над ней сменяет луна, а порой и тучи закрывают небесные светила, плача дождями. Друг за другом следуют погодные сезоны, плавно перетекая в года. А она все течет и течет. И вот уже приближается 76-ая годовщина Великой Победы в той страшной войне. И хотя в последнее время парады проводятся с завидной, регулярной, периодичностью, время неумолимо уносит нас все дальше и дальше от тех событий, забирая с собой и их участников, делая последующие поколения более равнодушными к ним. Но это неизбежные законы бытия. Они притупляют память и сглаживают боль...

Помню, как любил в детстве наблюдать за ветеранами, как притягивали и манили взгляд их ордена и медали. Как с упоением смотрел фильмы про войну. Но то были мои детские впечатления, поверхностные и наивные, на уровне пацанячьих игр в войнушку. Осознание того, что пришлось испытать и пережить тому поколению, пришло позже, гораздо позже и даже не в школе, а когда сам оказался..., впрочем, неважно.

Для нынешней молодежи ветераны той войны – экзотика. И это понятно: поглядишь на них, на парадах, на Красной площади, все в орденах и медалях, а сколько им лет –

так и представить сложно, за 90, точно. И даже Орден Победы на ком-то видел. Ну да ладно, я не об этом. А о том, что молодежь и фильмов-то тех, советских, уже не смотрит, они кажутся ей наивными и скучными. Ни драйва, ни динамики. Максимум, на что обратят внимание, так это на боевик Бондарчука-младшего, где белозубые красавцы защищали Сталинград. А кто из молодых людей скажет, кем были Родимцев и Батюк? Думаю, уже единицы. А мое поколение еще помнит ветеранов как людей не молодых, конечно, но и не старых вовсе, довольно крепких и вполне энергичных. Всегда готовых принести еще хоть какую-нибудь пользу своей стране. Такой была их жизненная позиция до последних дней. Помню их разговоры, поведение, их подчеркнутую скромность. Они и о войне-то говорили мало, с какой-то неохотой, а чекаясь между собой, всегда произносили: «Чтоб это не повторилось никогда...»

Не забуду, как лежал в детстве в больнице с одним таким участником той войны. На мои просьбы рассказать о ней он, после некоторого раздумья, повторял одну и ту же фразу, тогда не совсем мне понятную. Имени его я, к сожалению, не запомнил, а вот она врезалась в память: «Там не так было, как показывают в кино, а было всякое, и страх, и трусость, и предательство, но что сейчас об этом.» И больше ничего, представляете! Сколько бы я ни просил его рассказать еще хоть что-нибудь. Об одном таком человеке, моем соседе, дед Яше, и хочу вам поведать...

Моя бабушка переехала к нам с Дальнего Востока, когда я учился во втором классе. Так вот в моей, до этого городской жизни, и появился домик в деревне. И теперь все свои школьные каникулы я проводил там. С дедой Яшей мы познакомились зимой, просто летом у пацанов дел не счесть. Не до этого было, а вот зимой в деревне, скажем прямо, скучновато. Нет, занятие себе, конечно, всегда найти можно; на той же речке в хоккей погонять, но все же свободного времени больше, гораздо больше. Не помню уже, как мы познакомились, помню только, как оказался в его сарае-мастерской. От самодельной буржуйки внутри было тепло, довольно просторно, и инструмента много всякого висело на стенах. Для меня, 10-летнего пацана, чрезвычайно захватывающая картина. Было интересно и любопытно. Дело в том, что мои дедушка с бабушкой вместе не жили, и меня тянуло к этим неспешным, стариковским, умудренными жизнью разговорам. Вот я и стал захаживать к нему в мастерскую по поводу и без. Роста он был невысокого, худощавый; обычный дедок с сильными руками (ладонь жал крепко при встрече). Никаких таких его особенностей не припомню больше. Говорил тихо, спокойно, но уверенно. Взгляд вот помню – тяжелый такой, затяжной. Или мне так тогда казалось? А в общем, человеком он был спокойным и добрым. Истории всякие мне рассказывал, в основном про тайгу и животных, про их поведение и повадки. Меня не забывал спрашивать – как ориентироваться в лесу, как определить север. Я из приро-

доведения помнил и бойко отвечал – про мох там, обильную растительность на южной стороне. Он улыбался еле заметно сдержанной улыбкой, кивая головой, а сам все постоянно о чем-то думал (как мне тогда казалось). Еще хорошо запомнил, что он всегда что-то мастерил, пилил, резал, строгал, никогда не сидел без дела. Настоящим таким хозяином был – и забор у него во дворе ладный, и крыша в доме не протекала; баньку, по-моему, в то время сооружал. В общем, сами понимаете.

Ну, и пристал я как-то к нему с расспросами о войне. Он отмалчивался, в основном; что-то говорил, но как-то поверхностно, не удовлетворив моего детского любопытства. Сказал только, что немец воевать умел. Я-то ждал от него рассказов, как он поджег вражеский танк, или взял в плен «языка», а он мне – что «война – это, прежде всего, холод, грязь и голод». Я тогда испытал некое легкое разочарование, но не стал ни подробно переспрашивать, ни настаивать, а промолчал. Он же, в свою очередь, поинтересовался, люблю ли я читать книги.

– «Пятнадцатилетний капитан», «Капитан Немо», – ответил я и еще что-то назвал.

А он сходил в дом и принес толстую книгу, называлась она «Последний поклон». Автор – Виктор Петрович Астафьев.

– На вот, почитай, – говорит мне. – В ней описаны наши места, рыбалка на Енисее, жизнь в довоенной деревне, и про войну кое-что. Прочтешь, поговорим с тобой тогда.

Так я впервые в своей жизни «столкнулся» с творчеством Астафьева – и именно это слово, потому как книга меня ни-сколько не захватила. Не было в ней ни приключений, ни невероятных событий, что волновали меня тогда, и я, прочитав пару страниц, добросовестно ее забросил. Каникулы мои закончились, и в деревню теперь я приезжал с родителями по выходным. Ну и сразу к деду Яше, естественно. Он на верстаке мастерил что-то, похожее на ружье.

– А что это Вы делаете?

– Кавалерийский карабин тебе.

– Мне?! – поразился я.

Деда Яша кивнул головой и стал перечислять его характеристики. Я понял тогда лишь одно: кавалерийский – значит, укороченный, для стрельбы с одной руки.

– Ну как, читал «Последний поклон»?

– Да, – машинально соврал я.

Возникла пауза.

– Расскажи, что прочитал, – спокойно поинтересовался он.

Тут я и попал впросак. До сих пор помню тот момент, потому как в памяти нашей остаются они, моменты эти, из-за пережитых нами эмоций.

– Ладно, через неделю расскажешь, что прочитал, – после некоторого молчания сгладил ситуацию деда Яша.

Так я и одолел «Последний поклон». Сказать честно – не для десятилетнего чтиво. Сначала приходилось делать это

через силу, часто, читая книгу, на что-нибудь отвлекался. А когда отвлекаешься, не запоминаешь, о чем она. Соответственно, и пересказать не можешь. Сколько раз приходилось возвращаться к начатому. Но затем привык, и какие-то фрагменты и описания даже захватывали. Читая по 3-4 страницы в день, по 20-30 за неделю, в конце концов дошел до конца. Ну, и каждые выходные пересказывал прочитанное соседу. Это теперь я понимаю, что хотел донести до меня деда Яша, а Виктор Астафьев – один из любимых моих писателей, а тогда? – Тогда я был безмерно счастлив подаренному мне карабину, точной копией настоящему. Меня с ним милиционеры не раз останавливали, подолгу крутя и разглядывая его, поражаясь наглядности, удивляясь, что он даже не пугач. Но, правда, возвращали, не обнаружив ничего запрещенного. Это сейчас я объяснил бы им, что изготовил его человек, который четыре года бок о бок провел вместе с оружием. А тогда я просто молчал...

Деды Яши не стало, когда я учился в летном училище. Случилось это уже не при мне. Закончив баньку, он обшил, обновил дом, и ушел тихо – так же, как и жил.

Такие вот они, настоящие герои, кто смог выстоять и победить в той войне.

Интересно, что бы сказал он про наклейки на авто – «Забыли? Можем повторить»? – Да ничего, наверное; промолчал бы, как всегда, покачав головой.

Светлая вам память, победители! Такого повторить не

удастся уже никому и никогда!..